
Чему учит история сталинской экономики?

Рецензия на книгу: Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. (2021)

Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра.

Г.И. ХАНИН*, Д.А. ФОМИН**

***Гирш Ицкович Ханин** – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Центр конкурентной политики и экономики», Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск, Россия, khaning@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8409-1100>

****Дмитрий Александрович Фомин** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, отдел темпов и пропорций, ИЭОПП СО РАН; доцент кафедры финансов и кредита, Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск, Россия, fomin-nsk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4337-3697>

Цитирование: Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2022) Чему учит история сталинской экономики? // Мир России. Т. 31. № 3. С. 155–179. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-155-179

Аннотация

Неудачи рыночных либеральных постсоветских реформ неизбежно активизируют поиск новых идей, с помощью которых можно выйти на траекторию экономического роста. В этой связи обращение к опыту советской экономики сталинского периода, широко представленному в рецензируемой книге, вполне разумно и закономерно. В 2021 году книга была разрекламирована в средствах массовой информации как крупнейшее достижение российской экономической науки. Основная мысль авторов состоит в том, что в 1929–1955 годах в советской экономике наблюдались небывалый по размерам экономический рост и повышение уровня жизни населения. Этот опыт с определенными модификациями, по мнению авторов, может быть повторен в настоящее время. Наибольшее внимание в рецензии уделяется достоверности советской макроэкономической статистики, на которую опираются авторы. На основе собственных публикаций и ряда публикаций западных ученых показывается, что советская макроэкономическая статистика многократно преувеличивала темпы экономического роста, показатели эффективности экономики и уровня жизни. Тем не менее успехи советской экономики в сталинский период были реальными, хотя и менее значительными, чем утверждают авторы, при этом достижения сопровождалась огромными материальными и человеческими жертвами.

В настоящей статье анализируются все упомянутые авторами факторы советского экономического роста: планирование, технологии, деньги, эффективность и предпринимательство. Показывается, что авторы серьезно упрощают механизм их функционирования и дают многим факторам неверную интерпретацию. Доказывается, что

Статья поступила в редакцию в декабре 2021 г.

предлагаемые авторами подходы не позволяют обеспечить подъем современной российской экономики как из-за ее отличий от экономики СССР, так и ввиду ошибочности многих предлагаемых ими методов. Несмотря на многочисленные ошибки и упрощения, книга положительно оценивается за присущую авторам научную смелость, трудолюбие и опору на экономическую историю.

Ключевые слова: экономика СССР, экономика РФ, экономика сталинского периода, экономический рост, социалистические методы хозяйствования, планирование, экономическая эффективность, экономическое соревнование

Введение

Мы не можем припомнить, чтобы какая-либо иная книга по экономике российских авторов привлекала такое внимание, как «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду». Еще до ее выхода был опубликован специальный доклад на Петербургском экономическом форуме в мае 2021 г.; затем состоялась презентация с участием заметных медийных фигур. Книге предпослан восторженный отзыв 14 хорошо известных общественных деятелей культуры и науки, руководителей органов власти; среди них – два академика: первый – экономист С.Ю. Глазьев, второй – ученый в области технических наук, имеющий большой опыт руководящей хозяйственной деятельности Б.С. Алешин. Консультантами авторов выступили научные и высокопоставленные практические работники, среди которых – два помощника (в прошлом и настоящем) Президента Российской Федерации и первый заместитель премьер-министра РФ. При этом авторы книги практически неизвестны как научные работники: у одного из авторов, Александра Галушки, судя по данным сайта e-library, нет ни одной научной работы, и он не имеет ученых степеней и званий, что добавляет интриги.

Причины успеха книги

Думается, что успех книги объясняется прежде всего удачным моментом ее появления. После 30 постсоветских лет население России в подавляющей части испытывает чувство глубокого разочарования экономическими и политическими итогами пройденного пути. И вот выходит книга, которая обещает экономическое чудо и показывает, что оно возможно, поскольку это уже происходило в прошлом (1929–1955 гг.), и также в почти безнадежной ситуации. При этом приводятся впечатляющие цифры, не оставляющие, казалось, в этом никакого сомнения. Далее, опираясь на этот опыт, демонстрируется, как его следует повторить в настоящее время. Для совсем неискушенных в экономической истории СССР читателей их рассказ может показаться убедительным и вдохновляющим.

В своей работе авторы книги удачно и умно опираются на множество фактов, пусть, к сожалению, и не всегда правдивых. Впечатляют и обильные ссылки как

на иностранный опыт, так и на иностранную экономическую науку, что создает впечатление широкого кругозора. Также радует использование в работе архивного материала, однако при этом иногда создается впечатление, что авторы видят себя первопроходцами в изучении экономической истории СССР, но это, конечно, не так. В СССР, безусловно, были хорошие работы с неизбежными смысловыми ограничениями; появлялись и прекрасные публикации русских эмигрантов и западных историков. Жаль, что эти книги остались неизвестны авторам, равно как и восторженным поклонникам книги, поскольку знакомство с ними сильно убавило бы восторги.

Все наши замечания, приведенные ниже, идут в том же порядке, в котором размещаются главы книги. В них мы критически оценили, во-первых, авторскую интерпретацию сталинской экономики и, во-вторых, возможности использования этого исторического опыта в современных условиях.

Главное разочарование книги

На наш взгляд, наибольшее разочарование в книге вызывают макроэкономические данные развития сталинской экономики, хотя сами авторы их ценят весьма высоко: «В XX веке наша страна установила мировой рекорд по темпам среднегодового роста в 1929–1955 годы, который остается непревзойденным до сих пор» [Галушка и др. 2021, с. 24]. В тексте книги приводятся соответствующие данные, которые взяты из официальных советских статистических справочников о росте национального дохода СССР за довоенный и послевоенный периоды. К этим данным авторы добавляют из тех же источников информацию об огромном росте уровня жизни рабочих и крестьян: к 1955 г. наблюдался рост реальных доходов рабочих – в 6 раз, крестьян – в 5 раз по отношению к 1913 г. [Галушка и др. 2021, с. 29]. Но ни авторов, ни консультантов и рецензентов не смутило, что официальные макроэкономические данные ЦСУ СССР многократно подвергались жесточайшей критике в западной, а после 1985 г. и в советской литературе. Основной причиной искажения макроэкономических показателей в СССР было игнорирование роста цен, в результате которого искусственно завышался объем продукции. Альтернативные расчеты как западных, так и советских авторов базировались на довольно достоверных натуральных показателях, правда, без учета изменений качества продукции. Очень грустно, что все эти работы авторы не знают, и о них им не рассказали ни консультанты, ни рецензенты.

Сравним результаты альтернативных расчетов темпов экономической динамики СССР с официальными статистическими данными (таблица 1). Хотя итоги расчетов демонстрировали гораздо более скромные результаты прироста советской экономики, по мировым меркам довоенного периода такие показатели были немалым экономическим достижением. Советский экономический прирост превышал средний прирост экономик стран Европы (0,88%) и был значительно выше темпов экономического развития Германии (2,32%), Великобритании (1,44%) и Франции (-0,59%) [Кембриджская экономическая история 2013, с. 263]. Что касается послевоенного времени, то многие страны (главным образом азиатские) сумели добиться более впечатляющего экономического роста.

Таблица 1. Альтернативные и официальная оценки среднегодового прироста национального дохода СССР, %

Автор	Год оценки	
	1928–1940 гг.	1950–1958 гг.
Бергсон А., 1961	5,8	7,6 (1950–1955 гг.)
Мурстин Р., Паул Р., 1966	6,1	7,9
Каплан Н., 1969	6,0	7,4
Ханин Г., 1988	3,2	7,2
Официальная оценка ЦСУ	13,9	10,2

Источник: Bergson A. (1961) *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*, Cambridge, MA.: Harvard University Press, p. 48; Moorsteen R., Powell R. (1966) *The Soviet Capital Stock, 1928–62*, Homewood (Ill.): R.D. Irwin, pp. 622–624; Kaplan N. (1969) *The Record of Soviet Economic Growth, 1928–1965*. Memorandum RM-6169. The RAND Corporation, Santa Monica, p. 9; Ханин Г.И. (1988) Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // *Коммунист*. № 17. С. 85.

Еще более ошибочны приводимые в книге данные о росте реальных доходов рабочих и крестьян, и здесь авторов должна была смутить простая экономическая логика. В самом деле, как могут столь быстро расти доходы населения при огромных вложениях в экономику и в развитие Вооруженных сил? Об этом же должно было бы подсказать незначительное превышение по сравнению с 1913 г. продукции сельского хозяйства, признаваемое даже ЦСУ СССР. А ведь сельское хозяйство давало в то время либо прямо, либо косвенно основную часть предметов потребления. Совсем нелишне при этом вспомнить голод в начале 1930-х гг. со многими миллионами жертв, карточную систему 1930–1935 гг., отвратительное качество многих предметов потребления, очереди за товарами и огромное различие в душевом потреблении различных слоев населения. Совсем не анализируют авторы и жилищные условия трудящихся, которые до середины 1950-х гг. были просто ужасающими: подавляющее большинство городского населения жило в коммунальных квартирах, а в 1930-е гг. – зачастую в бараках и землянках.

Сделанное авторами утверждение о якобы громадном росте народного потребления в сталинский период имеет вредные последствия и для нынешней экономической политики. Оно сеет иллюзии, что возможен экономический рывок без жертв со стороны населения, по крайней мере, его наиболее состоятельной части. Вот к чему приводит ошибочная статистика. Лукавая цифра мстит.

Реальные достижения и неудачи

Гораздо убедительнее у авторов получается рассказ о конкретных достижениях советской экономики в сталинский период. Здесь особенно сильное впечатление производят огромное увеличение продолжительности жизни и рост населения на 20 млн чел. на сравнимой территории (несмотря на огромные потери в период войны), успехи в электрификации, создание ряда современных отраслей промышленности

и производство значительного числа новых видов продукции, строительство сотен городов, небывалые за такой короткий срок масштабы развития образования, здравоохранения, науки и, конечно, создание современного военно-промышленного комплекса и современных Вооруженных сил. Последние было главной целью экономики в этот период, однако авторы этот факт не отметили. Однако не все здесь было просто и благобно, как это изложено в книге. Нельзя игнорировать или преуменьшать, как это делают авторы, колоссальные человеческие и материальные потери населения (хотя они в чем-то были неизбежными), если считать целью общества благо людей.

Экономическое развитие в 1930–1940-е гг. носило исключительно экстенсивный характер, благо в деревне были огромные излишки рабочей силы. Тогда экономии материалов и оборудования уделялось слишком мало внимания; наблюдалось крайне низкое качество выпускаемой продукции из-за погони за количеством и плохой организации производства (печально знаменитая штурмовщина), низкой квалификации рабочих и инженерно-технических работников, управленцев, ошибок в планировании. Советская печать 1930-х гг. изобиловала претензиями, касающимися низкого качества продукции. Примером может послужить свидетельство человека, отнюдь не заинтересованного в дискредитации советской экономики – И.В. Сталина: на XVI съезде он отметил «безобразное качество продукции ряда наших предприятий» [Ленин и Сталин 1936, с. 471]; на следующем съезде он вновь поднял вопрос о совершенно недопустимом отношении к качеству продукции [Сталин 1952, с. 482]. Некоторый сдвиг произошел только в 1940 г. после принятия указа об уголовном наказании за выпуск некачественной продукции и начале стандартизации продукции.

Держать в повиновении огромные массы населения, оказавшиеся в начале 1930-х гг. в жутких жизненных условиях, могло только тоталитарное государство посредством жесточайших репрессий и создания атмосферы страха, и не только по отношению к рядовым гражданам, но и к значительной части правящего класса. Регулярные кадровые чистки дестабилизировали работу государственных органов, часто способствовали выдвижению на первые роли работников, обладающих высокой политической лояльностью, но не уровнем профессионализма. Достаточно, например, указать на чистки в статистическом ведомстве, в результате которых в довоенные годы пятеро его руководителей из восьми были расстреляны [Блюм, Меспуле 2006].

Все эти серьезнейшие недостатки стали изживаться только в 1950-е гг., и лишь этот период в советской экономике можно назвать экономическим чудом [Ханин 2002]: именно тогда СССР наряду с Японией, Западной Германией, Италией, Францией демонстрировал высочайшие темпы экономического роста.

Механизмы сталинской экономики

Планирование

Анализ особенностей механизмов функционирования советской экономической системы авторы книги обоснованно начинают с планирования экономики, приводя немало полезных сведений и рассуждений об истории советского планирования

и его методологии. Достаточно конструктивным представляется описание в самых общих чертах методологии советского планирования: по всей видимости, ее изучение и изложение произвели большое впечатление на авторов и читателей книги, хотя все это, конечно, хорошо известно даже выпускникам советских экономических вузов. Однако проблема заключается в том, что авторы недооценили огромные сложности применения процедур планирования. Если вдуматься в структуру материальных балансов, то становятся ясными колоссальные трудности в их разработке. Взять хотя бы нормы, которые авторы справедливо называют сердцевиной планирования: они зарождаются на десятках тысяч предприятий, характеризующихся огромными различиями в технической оснащенности и обеспеченности квалифицированными кадрами, миллионами видов продукции и тысячами видов используемых при их производстве материалов. Вполне очевидно, что все эти особенности были не известны планирующим органам, поэтому приходилось довольствоваться усредненными статистическими оценками из прошлого, которые зачастую и вовсе отсутствовали (особенно по новой продукции).

А как учесть вкусы многих десятков миллионов потребителей? Без этого невозможно спланировать производство потребительских товаров. И как обеспечить платежеспособный спрос населения, когда чуть ли не 40% ценных продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления направлялись в крупные промышленные города и в значительной степени оседали в спецраспределителях и у торговых работников? А как обеспечить высокое качество продукции, что не менее, а часто еще важнее, чем количество? ГОСТы были введены только в 1940 г., но они предусматривали лишь минимальные требования к качеству ввиду несовершенной производственной базы и низкой квалификации работников и к тому же нередко нарушались, особенно при штурмовщине. В данной ситуации межотраслевой баланс, появившийся в плановой практике во второй половине XX в., и о котором столь восторженно пишут авторы, ничего не менял.

Если бы авторы книги проанализировали реальные процессы планирования, они обнаружили бы, какие огромные различия существовали между планами и их выполнением по натуральным показателям и, особенно, по их приросту по сравнению с предыдущим периодом. Также они обнаружили бы огромное расхождение по годовым планам, не говоря уже о перспективных. Особенно велика эта разница была в первую пятилетку из-за нереалистичности разработывавшихся тогда планов и ненадежности статистики. Наум Ясный называл это время периодом вакханалического планирования. Что касается ситуации 1930–1940-х гг., то сюда следует добавить перманентные чистки руководства плановых органов с сопутствующей потерей опыта и компетенций. После полной смены первого состава Госплана в 1930 г. из пяти последующих его председателей своей смертью умер только один (В.В. Куйбышев), и каждая такая перезагрузка сопровождалась сменой всего руководства и подавляющей части работников среднего звена Госплана.

Авторы правы, указывая в качестве главного достоинства планирования его целеустремленность. При всех ошибках планирования в сталинский период она присутствовала, обеспечивая преимущественное развитие военной промышленности и сопряженных с ней отраслей, новой техники, капитальных вложений, образования и здравоохранения. Остальные отрасли и потребности населения удовлетворялись по остаточному принципу, и с какого-то момента это перестало устраивать саму власть.

Технологии

Удачной является глава «Технологии», жемчужиной которой стало подробное, основанное преимущественно на архивных данных, изложение огромного иностранного вклада в научно-технический и общий промышленный прогресс в СССР в первой половине 1930-х гг. Из приведенных фактов неоспоримо следует, что костяк советской тяжелой промышленности, построенной в этот период, был создан по проектам западных инженеров, построен под руководством западных инженеров и во многом руками западных рабочих, оснащен преимущественно западным оборудованием; по их же проектам строились и новые города [Галушка и др. 2021, с. 88–110]. Этой темы советские историки старались не касаться по цензурным соображениям, и советская правящая элита справедливо полагала, что эти факты принижают достижения советской власти. То, что авторы обнародовали их, делает им честь, хотя, конечно, они противоречат их основной концепции.

Жаль, что авторы при оценке иностранного вклада в советскую экономику ограничились 1930-ми гг. Огромную роль в годы войны и в послевоенный период сыграли поставки по ленд-лизу военной техники¹, продовольствия, медикаментов, транспортных средств, стратегического сырья и материалов, промышленного и транспортного оборудования. Обошли авторы и вопрос об огромной роли в развитии советской экономики и технологий репараций, полученных от Германии и ее союзников. Без учета всех этих факторов невозможно понять, каким образом СССР, понесший в годы Великой Отечественной войны ущерб, равный примерно 10,2 годовых объемов валового национального продукта 1940 г., сумел выйти на довоенный уровень производства уже в 1948 г. [Фомин 2022]. Большую роль в ядерном и ракетном проекте в этот период играли вывезенные из Германии специалисты и целые трудовые коллективы, о чем авторы также не упомянули. Данный вопрос имеет немалое значение при объяснении упадка советской экономики в дальнейшем, когда снизилась роль иностранных источников (за исключением обычного импорта и промышленного шпионажа).

Авторы обоснованно выделяют в научно-техническом прогрессе СССР два периода – имитационный (1930–1940-е гг.) и более самостоятельный (начиная с 1950-х гг.), который они называют лидерским [Галушка и др. 2021, с. 121–128] и в качестве обоснования приводят достижения страны в области ядерного и ракетного оружия. Действительно, в этих областях в 1950–1960-е гг. СССР опережал США и другие страны: здесь были сосредоточены лучшие советские научные и инженерные силы, огромные финансовые ресурсы. Но данные направления при всей их огромной важности для обороны страны не исчерпывали направлений научно-технического прогресса. В гражданской области достижения были достаточно скромными, поскольку хуже обеспечивались ресурсами. Два венгерских экономиста определили авторство наиболее важных технических достижений в послевоенный период: оказалось, что в 1950–1960-е гг., наиболее успешные для СССР, из 29 достижений только одно полностью принадлежало СССР, а одно разделяли СССР, США и Великобритания [Kornai 1992, pp. 298–300]. Подавляющее большинство достижений принадлежало США, хотя по численности научных работников и инженеров СССР в этот период не уступал США.

¹ Многие образцы техники, полученной по ленд-лизу, потом копировались советскими инженерами.

Объясняя отставание СССР в области научно-технического прогресса, надо отметить разницу в организации научно-технического прогресса и в мотивационном механизме в СССР и в США, других капиталистических странах. В СССР в гражданской технике и промышленности конкуренция была минимальной: главным показателем в оценке деятельности предприятий и министерств становилось выполнение плана по объемным стоимостным показателям, а за невыполнение плана по новой технике могли последовать лишь критика или административное наказание. Внедрение новой техники обычно неблагоприятно сказывалось на количественных показателях работы, поэтому предприятия, естественно, жертвовали им (внедрением) в пользу количественных показателей производства.

Тем не менее до конца 1950-х гг. положительные факторы, обеспечивающие научно-технический прогресс в СССР (даже в гражданской области), превышали негативные. В этой связи авторы уместно ссылаются на образцы советской техники, выставленные на Экспо-58, которые по исполнению, конечно, отличались от серийной продукции в лучшую сторону.

В конце главы «Технологии» от техники промышленного производства авторы неожиданно переходят к технике планирования, где они попытались проанализировать влияние ЭВМ и экономико-математических методов на планирование. Эта часть главы нам кажется крайне неудачной: представляется очевидным, что авторы темой не владеют. В сталинский период появились лишь теоретические работы по экономико-математическим методам (работы В.С. Новожилова, Л.В. Канторовича), встреченные властями крайне неблагоприятно. Что касается применения ЭВМ в планировании, то они развернулись позднее, причем силы и средства для этой цели были вложены колоссальные как на уровне предприятий и министерств, так и на народно-хозяйственном уровне, однако результат получился ничтожным. И причиной этого стало отсутствие анализа основных недостатков советского планирования, о которых говорилось выше.

Авторы книги слишком сглаженно описали ход научно-технической революции в СССР в сталинский период. За рамками исследований остались репрессии ученых и инженеров в 1930-е гг., прокатившиеся двумя волнами – в начале 1930-х гг. и в 1937–1938 гг. Жертвами стали многие ученые-естественники (о гуманитариях и экономистах можно вообще не говорить) и инженеры, в том числе выдающиеся конструкторы С.П. Королев, В.П. Глушко, Н.Н. Поликарпов, А.Н. Туполев; были расстреляны примерно 100 физиков.

Деньги

Маловыразительной представляется глава книги «Деньги». Авторы, конечно, правы в том, что методы советского денежного обращения оказались новаторскими, таких систем мир еще не знал. Ввиду отказа от нэпа с его заимствованной у капитализма денежной системой встал вопрос о создании принципиально иного денежного механизма, который и был разработан в начале 1930-х гг. серией решений Правительства СССР и ЦК ВКП(б).

Собственно, денежной системы в привычном смысле этого понятия не было. Деньги как всеобщее покупательное и платежное средство практически полностью

отсутствовали в сфере средств производства. Распределение средств производства по фондам делало безналичные деньги лишь расчетным знаком, обусловленным хозрасчетом производственных и сбытовых предприятий. В сфере потребительских товаров роль денег ограничивалась прежде всего карточной системой, которая существовала на протяжении большей части сталинского периода; также деньги не определяли и работу торговых организаций по фондам. Реальную же роль деньги играли только на колхозном и нелегальном рынках, а также в коммерческой торговле.

Такую систему авторы книги называют двухконтурной и чуть ли не чудодейственным инструментом хозяйствования. Создается впечатление, что и авторы, и рецензенты сочли ее своим крупнейшим открытием. Между тем эта система, конечно, хорошо известна всем экономистам, изучавшим советскую экономику. В начале 1930-х гг. перестройка системы краткосрочного кредитования диктовалась также устранением частного сектора и необходимостью централизовать финансовые ресурсы для целей ускоренной индустриализации.

Если оценивать сталинскую денежную систему по общепринятому показателю качества в виде стабильности цен, то ее эффективность в 1930–1940-е гг. была крайне низкой. В эти годы наблюдалась огромная инфляция: согласно выводам Н. Ясного, в сфере производственных товаров в 1939 г. оптовые цены выросли в 2,5–2,75 раза, в 1949 г. – 6–6,5 раза по отношению к 1926/1927 г. [*Jasny* 1952, р. 15], при этом следует уточнить, что Н. Ясный преуменьшил реальный рост оптовых цен в СССР [*Ханин* 1993, с. 35–39]. Более значимым оказался рост розничных потребительских цен: по подсчетам Дж. Чапмен, в 1937 г. они выросли примерно в 5 раз, а в 1948 г. – в 15 раз по отношению к 1928 г. [*Chapman* 1963, р. 81]. Объемы и наличного, и безналичного денежного обращения в соответствии с этим ростом цен увеличивались с огромной скоростью. Впрочем, ввиду пассивной роли денег в советской экономике причины этого стремительного роста были связаны с огромными структурными сдвигами и неэффективностью советской экономики этого периода.

Серьезно упрощают авторы и ход кредитной реформы в 1930–1932 гг.; они не обратили внимания на значимые различия ее начального этапа (1930 г.) и окончательного (1931–1932 гг.): первый был просто катастрофическим [*Атлас* 1952, с. 127]. Также авторы ошибочно называют зачинателем реформы наркома финансов Г.Ф. Гринько, поскольку инициатором кредитной реформы являлся наркомат рабоче-крестьянской инспекции [*Атлас* 1952, с. 134–140], а основную работу по ее проведению осуществлял Госбанк СССР, вышедший в конце 1929 г. из подчинения Наркомфина. На начальном этапе реформы ее возглавлял Г.Л. Пятаков, а на заключительном – М.И. Калманович, при этом реальными авторами второго этапа кредитной реформы стали совсем другие лица: о них в начале 1990-х гг. рассказал в своих воспоминаниях ветеран Госбанка СССР² В.К. Ситнин. Что касается долгосрочного кредитования, о котором довольно много пишут авторы, то оно было кредитованием только по названию, фактически же банки долгосрочного кредитования занимались лишь распределением бюджетных средств и контролем их использования.

Все же основная недоработка главы заключается в том, что авторы свели проблему роста советской экономики к денежному обращению, а не к капитальным вложениям. Рост экономики СССР за счет эмиссии денег и краткосрочных финансовых обязательств (векселей) действительно имел место, но не в рассматриваемом авторами периоде, а в годы нэпа, когда рост производства происходил

² Все шесть руководителей Госбанка СССР и авторы второго этапа кредитной реформы были расстреляны.

за счет созданных в прошлом запасов капитала и рабочей силы. В 1921 г. на пике кризиса, вызванного Первой мировой войной, революциями, Гражданской войной, падение производства составило 66,1% от уровня 1917 г., а основные фонды сократились только на 6,2% по сравнению с тем же 1917 г. [Фомин 2022], т. е. падение производства в 10,7 раза превышало сокращение его материальной базы. Таким образом, проблема восстановления и роста экономики в период нэпа решалась за счет докапитализации оборотных средств, увеличения загрузки имеющихся мощностей, возвращения на производство демобилизованных работников. Что касается капитальных вложений, то их размер вследствие низкой загруженности мощностей был невелик, и тратились эти вложения в основном на ремонтные работы. По расчетам С.Г. Струмилина, стоимость основных фондов союзной государственной промышленности с учетом их износа выросла с 1923 по 1927 г. всего в 1,25 раза, тогда как стоимость запасов – в 1,7 раза, сырья и незаконченного производства – в 2,3 раза, денежных средств – в 5,3 раза, краткосрочных финансовых обязательств – в 10,1 раза; численность работников в том же периоде увеличилась в 1,77 раза [Струмилин 1963, с. 367]. Исчерпанность резервов мощностей и рабочей силы к 1928 г. означала конец восстановительного периода и потребовала от сталинского руководства отказа от нэпа и перехода к мобилизационной экономике.

Также следует отметить, что советская практика стимулирования производства на основе эмиссии денег и различных денежных суррогатов имела множество аналогов в мировой экономической практике. Подобная схема, например, была использована главой Имперского банка Веймарской республики Я. Шахтом в начале 1930-х гг. Созданные в годы войны промышленные предприятия Германии проставляли вследствие наложенных Версальским соглашением ограничений на выпуск продукции, и для запуска производств в обращение были выпущены «мефо-ваучеры», которыми предприятия рассчитывались по всей технологической цепочке производства, а Имперский банк брал на себя обязательства в любой момент времени конвертировать эти бумаги в наличную валюту [Шахт 2011, с. 312–315]. И в советской России, и в Веймарской республике, и в любой другой стране в любое другое время обязательным условием роста экономики на основе эмиссии разного рода финансовых обязательств является наличие резервов капитала и рабочей силы; если они отсутствуют, то необходимо искать иные источники капитальных вложений.

Эффективность

В главе «Эффективность», как и в главе, посвященной планированию, авторы стали жертвой фальсификации официальной статистики. Данные, касающиеся динамики себестоимости продукции, авторы приводят начиная лишь с 1948 г., оставляя в стороне самые неблагоприятные по эффективности 1930-е гг. Дело в том, что статистика вела исчисление снижения себестоимости по сравнимой продукции, а себестоимость отличалась в зависимости от года после начала выпуска: достаточно быстро в первые годы и намного медленнее в последующем. При энергичном обновлении продукции в обрабатывающей промышленности и ее высоком удельном весе в общем выпуске легко было показать быстрое снижение себестоимости промышленной продукции. Правильнее было бы вести анализ по динамике

себестоимости добывающей промышленности и первой фазы переработки. Другое обстоятельство, плохо учитываемое официальной статистикой, – это стоимость основных фондов: при заниженной оценке их стоимости и быстром обновлении динамика амортизации уменьшалась.

Авторы ошиблись в части относительного уровня производительности труда в промышленности СССР, утверждая о первом месте СССР в Европе и втором в мире в середине 1950-х гг. [Галушка и др. 2021, с. 166]. Достаточно было бы ознакомиться с докладом Н.А. Булганина и выступлениями отраслевых министров на июльском пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г., чтобы убедиться в глубокой ошибочности этого утверждения. За пределами анализа авторов остались такие важные аспекты эффективности, как качество продукции, его технический уровень, материалоемкость и фондоемкость.

Противоречивое впечатление оставляет параграф о конкуренции в советской экономике. Авторы неожиданно отождествили капиталистическую конкуренцию компаний с социалистическим соревнованием трудящихся, однако вполне очевидно, что между ними – огромная разница. Конкуренция компаний в рыночной экономике неизбежна, и если не внутрисударственная из-за наличия монополий, то точно международная. Конкуренция носит всеобъемлющий характер – по количеству и качеству продукции, производительности труда, себестоимости продукции, качеству обслуживания покупателей; ясны и ее критерии – выживание и преуспевание.

Следует напомнить, что соревнование трудящихся не возникало вследствие их экономических интересов: они вполне удовлетворялись исходя из индивидуальной производительности при сдельной оплате труда, а параллельно – и исходя из патриотических мотивов отдельных работников, и об этом не было необходимости заявлять. Поэтому практически в советской экономике социалистическое соревнование организовывалось сверху по инициативе вышестоящих органов и общественных организаций; нередко эта инициатива поддерживалась частью идеалистических или честолюбивых работников. Поскольку это соревнование касалось отдельных лиц (в лучшем случае небольших коллективов), оно было связано исключительно с производительностью труда конкретных трудящихся, однако при этом не учитывались качество продукции и ее себестоимость. В этих условиях неизбежно возникали противоречия между интересами передовых работников и других лиц, коллективов (цехов, предприятий), у которых существовали ограничения по материальным ресурсам и фонду заработной платы. Обычно социалистическое соревнование проходило в виде кампаний, совпадавших с поворотами в экономической политике: власти было необходимо продемонстрировать энтузиазм трудящихся, их новую трудовую мораль, также была, видимо, и надежда на значительный экономический эффект. С началом перестройки и после нее сошли на нет и само социалистическое соревнование, и интерес к нему историков и экономистов.

Первая такая кампания в формате ударничества возникла в начале 1930-х гг. в связи с началом ускоренной индустриализации. О ее итогах говорят авторитетные российские историки: «Причинами широкого размаха движения были умело использованный максимализм, здоровое соперничество, стремление молодежи ко всему новому, желание выделиться, покрасоваться на стендах, на страницах газет, на митингах, собраниях, слетах. Отсюда представление о соревновании как о празднике и параде, постоянно подогреваемое прессой, отсюда штурмовщина

и кампанейщина, гонка за цифрами, массовые призывы и мобилизация ударников. <...> Факты, однако, свидетельствуют, что очень часто ударные темпы на производстве достигались в ущерб качеству производимых работ. Об этом говорят трудности с вводом в строй новых объектов, частые перебои, поломки на производстве» [Общество и власть 1998, с. 15–16]. К этим словам мы бы добавили еще отсутствие роста производительности труда и увеличение себестоимости продукции в начале 1930-х гг. Как свидетельствуют ученые, ударническое движение встречало враждебное отношение у большинства работников. «Причина – в неизбежности снижения расценок, уплотнения рабочего графика, увеличения физической интенсивности труда. Но не только. Штурмовщина и кампанейщина шли вразрез с воспитанием у рабочего качества, необходимого для современного индустриального производства с его размеренностью, монотонностью, точностью» [Общество и власть 1998, с. 17].

Следующая кампания социалистического соревнования развернулась в 1935 г. в виде стахановского движения, которое носило более разрекламированный характер и было больше распространено, чем ударничество. Объективный анализ этого движения в СССР стал возможным только в период перестройки, но гораздо глубже это движение было проанализировано в западной экономической литературе: отметим книгу Л. Зигельбаума [Siegelbaum 1988] и шестой том многотомника Р. Дэвиса с соавторами о советской индустриализации [Davies et al. 2014], которые указывают, что октябре-ноябре 1935 г. это движение как ураган распространилось по всей промышленности и железнодорожному транспорту вследствие огромной пропагандистской кампании и активизации местных партийных организаций. Стахановцами стали десятки тысяч рабочих, и их выдающиеся результаты дали основание руководителям советской промышленности провозгласить (по примеру первой пятилетки) лозунг, призывающий к выполнению плана второй пятилетки по промышленности в четыре и даже три года, удвоения и даже утроения объема промышленного производства [Davies et al. 2014, pp. 167–168].

Однако очень быстро стали выявляться теневые стороны стахановского движения, которое многими рабочими и управленцами было встречено враждебно: дело дошло до избиения стахановцев, порчи используемого ими оборудования и материалов [Davies et al. 2014, p. 171]. Этот протест привычно был объявлен саботажем, но он имел и вполне объективные причины. Протест у рабочих вызывали прежде всего привилегированные условия труда стахановцев, но больше всего их возмущало то, что достижения стахановцев являлись основанием для пересмотра норм выработки и расценок; также раздражение вызывали огромные заработки и другие привилегии стахановцев. У управленцев, помимо консерватизма, серьезные возражения и враждебность к стахановскому движению были обусловлены дезорганизацией производственного процесса: зачастую выработанная стахановцами продукция была не нужна смежным участкам и цехам, на нее не было заказов, что ухудшало финансовые показатели; нередко нарушались нормы ремонта оборудования; а погоня за количеством продукции шла в ущерб ее качеству.

И если в первом полугодии 1936 г., в период благополучного развития промышленности, власти не придавали этим негативным последствиям стахановского движения хоть какого-либо значения, то в последнем квартале этого же года произошло сокращение промышленного производства по сравнению с предыдущим периодом 1936 г. [Davies et al. 2014, p. 314]. Следующий год, 1937-й, озна-

меновался уже сокращением объемов промышленного производства в ряде отраслей гражданской промышленности СССР и огромным невыполнением плана на этот год по промышленному производству и железнодорожным перевозкам [Davies et al. 2018, pp. 71, 88–93].

Большое разочарование стахановским движением проявилось, когда в отчетном докладе И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) стахановское движение вообще не было упомянуто. Таким образом, попытка авторов найти в социалистическом соревновании эквивалент конкуренции в рыночной экономике как ее движущей силы совершенно не выдерживает столкновения с фактами.

Предпринимательство

В главе «Предпринимательство» авторы доказывают, что в сталинской экономике «органически сочетались предпринимательская инициатива и государственная организация» [Галушка и др. 2021, с. 184]. Эта мысль у многих читателей вызывает вполне справедливое недоумение: зачем же было отменять нэп в конце 1920-х гг., при котором как раз и было такое сочетание?

Свое утверждение авторы основывают на сохранении в сталинской экономике двух негосударственных форм хозяйствования: промысловой кооперации в промышленности и личных подсобных хозяйств. При этом авторами создается впечатление, что их сохранение задумывалось изначально, при возникновении командной экономики. Действительность же была совершенно иной: обе формы возникли под влиянием обстоятельств непреодолимой силы, под угрозой экономического и политического краха, и между этими двумя формами и остальной экономикой постоянно вспыхивали серьезные конфликты.

Если судьба личных хозяйств сельского населения в сталинской экономике хорошо освещена в экономической и даже художественной литературе, то этого нельзя сказать о другой форме негосударственного хозяйства – промкооперации (артелей). Здесь авторы проявили новаторство, открыв для современного читателя эту забытую страницу советской экономической истории, однако в ее изложении авторы допустили немало ошибок. При описании истории кооперативного сектора в промышленности они значительно упростили ситуацию, хотя стоило упомянуть, что при сворачивании нэпа этот сектор подвергся серьезным гонениям [Davies et al. 2018, pp. 219–220]. В условиях экономических и политических трудностей начала 1932 г. для увеличения производства промышленных товаров широкого потребления пришлось пойти на возрождение кооперации в промышленности [Davies et al. 2018, pp. 221–223], но степень самостоятельности этого сектора была ограниченной. Размеры деятельности промкооперации также были достаточно скромными: с 1928 по 1955 г. доля кооперативной промышленности в общем валовом объеме промышленного производства упала с 13 до 8% [Промышленность СССР 1957, с. 14]. В 1955 г. удельный вес работников промышленных артелей в общей численности занятых в промышленности был равен 1,6 млн чел., что соответствовало 7,4% численности работников промышленности [Промышленность СССР 1957, с. 23]. Как видно, эффективность артелей, если судить о ней по производительности труда, была лишь немногим выше эффективности государственного сектора.

Не соответствует действительности и утверждение авторов, что разнообразие продукции промкооперации было в несколько раз выше, чем у государственной промышленности. Они попытались сравнить то, что сопоставлять нельзя – номенклатуру Госплана СССР и ассортимент производимой продукции кооперативной промышленности. Между тем, кроме номенклатуры Госплана СССР, во много раз больше была номенклатура Госснаба СССР, союзных и республиканских министерств и самих предприятий, насчитывавшая в общей сумме миллионы изделий.

При всем этом авторы правы, отмечая важную роль промкооперации в обеспечении потребностей населения мелкими по стоимости, но очень нужными населению предметами потребления. Возможность ориентации артелей на потребности населения оказалась во многом связана с их организационным устройством: если в 1955 г. средняя численность работников одного государственного предприятия составляла 84 работника, то в артели трудились в среднем 15 чел. [Промышленность СССР 1957, с. 15–17].

Далее рассмотрим личные подсобные хозяйства. Их возникновение авторы относят к 1935 г. [Галушка и др. 2021, с. 183], но на самом деле они появились во время коллективизации (которая как раз и означала ликвидацию аграрного предпринимательства) под влиянием широких крестьянских выступлений в начале 1930 г. из-за массового убоя скота (в том числе рабочего, что стало одной из причин голода в начале 1930-х гг.), огромных продовольственных трудностей. Первоначально по планам коллективизации предполагалось обобществить все посеы и скот, но, чтобы не допустить полного краха аграрного сектора, руководство государства пошло на уступку крестьянам: оно разрешило наличие небольшого приусадебного участка и некоторого количества скота. Однако одновременно с этим в городах стали закрываться рынки, где крестьяне могли продавать излишки своей продукции, что, безусловно, ограничивало стимулы расширения объема продукции приусадебных участков. Считалось, что личное хозяйство должно было использоваться исключительно для удовлетворения потребностей крестьян в продовольствии. Тем не менее в мае 1932 г. ввиду огромных продовольственных трудностей и из-за забастовок в ряде городов все же были открыты городские рынки, однако крестьянам разрешалось торговать по свободным ценам только после выполнения государственного плана заготовок [Davies et al. 2018, pp. 209–210].

Необходимость роста капитальных вложений и увеличение военных расходов привели к отказу руководителей советского государства от идеи стирания граней между городом и деревней и превращения аграрного труда в разновидность индустриального. Какими бы тяжелыми ни были условия труда в городах и каким бы низким ни был уровень его оплаты, государство не нашло ресурсов для реализации своих идеологических программ. В колхозах полноценная денежная оплата работников не появилась, за труд выдавалась в основном аграрная продукция, а сам труд оценивался преимущественно в натуральных показателях (трудоднях). В 1940 г. доля денежных доходов семей колхозников, полученных от работы в обобществленном хозяйстве, составляла 15,1%, а в 1950 г. – 19,1% [Растянников, Дерюгина 2005, с. 108]. Такая аграрная модель хозяйствования явно предполагала, что колхозники за отработанное в колхозе время получают зерно, корма, молодняк животных, затем вырастят скот, а продукты животноводства продадут на колхозном рынке. В этой же логике были отмечены рост разрешенных в 1935 г. размеров приусадебных участков и количества скота, находящегося у колхозников.

Авторы книги «Кристалл роста» приводят впечатляющие данные об удельной доле личных подсобных хозяйств в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции в 1950-е гг. и называют эту долю основной [Галушка и др. 2021, с. 184]. Ошибка авторов состоит в том, что они рассматривают только структуру конечной продукции и игнорируют обобщественное производство промежуточной продукции. Если обратиться, например, к структуре землепользования, то окажется, что в 1950 г. на долю хозяйств населения приходилось только 4,0% всех сельскохозяйственных угодий, а доля в пашне составляла и во все 1,1% [Народное хозяйство СССР 1972, с. 237–240]. Безусловно, у населения не было ни тракторов, ни комбайнов, никакого другого инвентаря. Практически все бремя материальных затрат при проведении полевых работ нес малоэффективный обобщественный сектор, из которого продукция в виде натуральной оплаты и массовых хищений перемещалась в столь же неэффективные частные подворья.

Личные хозяйства были существенным, а часто и вообще единственным источником доходов деревенских семей, поэтому крестьяне старались уклониться от работы в колхозах. Также они часто расширяли свои участки сверх установленных норм, что вызывало противодействие со стороны государственных органов. В мае 1939 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» [Директивы КПСС 1957, том 2, с. 589–604], которое предусматривало сокращение размеров участков, превысивших установленные нормы. В нем также были установлены нормы выработки трудодней колхозниками, при которых допускалось сохранение личных участков. Аналогичное постановление было принято и в 1946 г. [Директивы КПСС 1957, том 3, с. 91–97].

Последняя попытка хоть как-то обуздать производство в личных подсобных хозяйствах была предпринята уже после смерти И.В. Сталина, в 1958 г. Рост производства зерна вследствие введения в оборот земель Северного Казахстана позволил провести широкомасштабный эксперимент. Суть эксперимента состояла в том, что в заведениях общественного питания крупных городов СССР хлеб стал подаваться бесплатно. Вот как описывал этот эксперимент его очевидец, известный советский кулинар В.В. Похлебкин: «Спустя месяц “бесплатный хлеб” стали ругать: он накапливался, перемешивался со свежим, становился невкусным, заветренным. Многие стали обращаться с хлебом крайне небрежно и расточительно: надкусив один кусок и обнаружив, что он несвежий, тут же бросали его и надкусывали другой, затем третий и т. д. Из огрызков на столах и хлебных вазах образовывались целые груды, возле которых роились мухи» [Похлебкин 2000, с. 288]. Разумеется, очень быстро нашлись люди, которые стали обращать сложившуюся ситуацию в свою пользу: «К концу рабочего дня в столовых, чайных, кафетериях стали появляться какие-то замызганные мужички и бабки с тележками, набивавшие “испорченным хлебом” целые мешки. Это были так называемые городские животноводы. <...> Они содержали в подвалах, сарайчиках, чуланах, на балконах, лоджиях и даже коридорах разную живность, в основном кур и поросят, кормом для которых служил “даровой хлеб”» [Похлебкин 2000, с. 288]. В этих условиях в августе 1958 г. было принято постановление Бюро ЦК по РСФСР, запрещающее гражданам содержать личные подворья в городах и рабочих поселках.

Однако все запретительные меры в отношении хозяйств населения не привели к желаемому результату. Если в 1930–1950-е гг. основным фактором развития

подсобных хозяйств было физическое выживание крестьян, то 1960–1980-е гг. основную роль начал играть экономический фактор. Государственные дотации на продовольственные товары привели к занижению их розничных цен и к тому, что кормить скотину хлебом, крупами, морской рыбой стало очень выгодно. Порочная практика разбазаривания ценных продовольственных ресурсов была прекращена только в 1990-е гг. Не вызывает сомнения тот факт, что сформированная в сталинские годы двухсекторная аграрная модель хозяйствования – это явно не то, в чем нуждается современная Россия.

Сталинский механизм: сборка

В главе «Кристалл роста» авторы синтезируют свои исследования из предыдущих глав. Сталинская экономика в ней представлена в виде кристалла, похожего на алмаз. Этот образ, цельный и совершенный, вынесен в название книги и изображен на обложке. Все элементы кристалла, по мысли авторов, органически дополняют друг друга и работают на общий выдающийся результат. В этой главе к перечисленным ранее элементам экономического успеха были добавлены новые: «большие цели и масштабные задачи», «сильная мотивация и большая социальная энергия общества» [Галушка и др. 2021, с. 194]. В сталинском обществе «<...> люди вдохновляются и консолидируются большими целями созидания и масштабными проектами развития, а отечественная культура массово воспекает человека труда, созидателя, творца» [Галушка и др. 2021, с. 194].

Однако в советском обществе далеко не все было благополучно и с моральными факторами. Безусловно, указанные авторами факторы положительно влияли на умонастроение части общества, особенно молодежи, ее трудовую активность. Но авторы не упомянули не менее значимые негативные моменты этого умонастроения в 1930–1940-е гг.: насильственную коллективизацию, массовый голод в начале 1930-х и в 1946 г., постоянный дефицит потребительских товаров и их низкое качество, жуткие жилищные условия основной части городского населения, огромное социальное расслоение, массовые репрессии, ложь и страх репрессий, лживую (в том числе статистическую) пропаганду, фальсифицированные процессы над «врагами народа» и многое другое. Нужно быть очень низкого мнения о советском народе, чтобы думать, что он не видел и не понимал эти негативные факторы.

Демонтаж³

Главу под названием «Ликвидация» авторы начинают так: «5 марта 1953 года меняется руководство страны. В марте 1953 года начинают приниматься стратегические решения вне логики и принципов организации экономической системы»

³ В этом разделе статьи авторы рецензии довольно убедительно показывают, как много ошибочных решений принималось после смерти И.В. Сталина, включая неподготовленный демонтаж командной системы; один из авторов писал об этом при изложении экономической истории СССР в новейшее время [Ханин 2008]. Приятно, что А. Галушка, А. Ниязметов, М. Окулов изучили эту работу, однако принимали ее выборочно: использовали только то, что вписывалось в их концепцию.

[Галушка и др. 2021, с. 205]. По мысли авторов, после смерти И.В. Сталина новое руководство, состоявшее из его соратников, немедленно начало крушить (по недомыслию или злонамеренно) его замечательное наследие.

Описание демонтажа сталинской экономической системы авторы книги начинают с упразднения в марте 1953 г. Госснаба СССР [Галушка и др. 2021, с. 205]. У неподготовленного читателя может сложиться впечатление, что система материально-технического снабжения вообще была ликвидирована. Это, конечно, не так: фактически функции Госснаба СССР были переданы Госплану СССР, с которым была связана эта система. Наверно, было ошибкой перегружать Госплан не свойственными ему функциями, и о том, что эта ошибка была признана, свидетельствует восстановление Госснаба СССР, предпринятое после 1965 г.

Более обоснованными являются критика авторами слияния в марте 1953 г. многих министерств (позднее разукрупненных), отмены централизованного пересмотра норм выработки, сокращения (авторы называют это ликвидацией) подсобных хозяйств колхозников, ликвидации артелей в 1960 г., а также утопических намерений в середине и в конце 1950-х гг. начинать планирование с планов предприятий и планирования от достигнутого, перехода к совнархозам, сокращения огромного числа планируемых Госпланом СССР натуральных показателей и их укрупнения. Самое опасное, что случилось после смерти И.В. Сталина, – это пере рождение системы целеполагания и планирования в систему торга между группами влияния за ресурсы; последнее в полной мере проявилось в 1970-е гг.

Авторы совершенно правы, критикуя негативные последствия замены в ходе косыгинских реформ натуральных показателей объемов производства стоимостными, которые они правильно характеризуют как «<...> переход к псевдорыночной экономике с высокой автономией отдельных предприятий, но без рыночной конкуренции и рыночной мотивации» [Галушка и др. 2021, с. 221]. Вполне оправдано и их осуждение хаотичных и непродуманных реформ периода перестройки, которым обоснованно противопоставляются предложения Ю.В. Яременко (в конце 1980-х гг. были и другие разумные проекты).

Справедлива, но вторична критика авторами ситуации в научно-техническом блоке: здесь заслуживает внимания впервые появляющаяся у авторов связь замедления научно-технического прогресса с гипертрофией военно-промышленного комплекса и малой заинтересованностью предприятий в новой технике, однако следует напомнить, что оба этих фактора отмечены уже в сталинской экономике.

При всей справедливости описания авторами деградации хозяйственной системы СССР после смерти И.В. Сталина их оценка происходящих в 1950–1980-е гг. процессов является неполной и односторонней. Самый главный недостаток здесь состоит в том, что авторы уходят от вопроса о возможной закономерности описываемых ими результатов, вызванных пороками социальной-экономической и политической систем. Но есть и более частные пробелы в их анализе.

Авторы игнорируют положительную роль многих происходивших в послесталинский период процессов. В силу молодости они не знают об огромном чувстве облегчения, которое испытывало большинство советских людей в результате либерализации политической и экономической жизни после смерти «вождя народов», что произошло в период оттепели.

Многие экономические дефекты сталинской экономики были сохранены в затухающей советской экономике и в послесталинский период. Прежде всего

необходимо отметить лживость экономической информации, которой пользовались руководители государства и плановые органы, создавшие в пропагандистских целях фабрику статистических фальсификаций и сами ставшие ее жертвами. Приведем в качестве примера положение с капитальными вложениями и основными фондами. При редких и неряшливо проводимых переоценках основных фондов по их восстановительной стоимости в условиях почти непрерывного роста цен на инвестиционные товары значительно преувеличивалась динамика основных фондов. По этой причине в конце 1970-х гг. осталась незамеченной стагнация основных фондов, которая во многом определила и стагнацию всей экономики. О гигантских преувеличениях динамики продукции мы уже много писали, и, к сожалению, ее жертвами стали авторы рецензируемой книги. Лишь мимоходом авторы упоминают о гипертрофии военных расходов, при этом обходят вниманием исчерпание резервов деревенской и женской занятости, выработку наиболее доступных и дешевых месторождений полезных ископаемых.

В поисках российского экономического чуда

В заключительной главе «Кристаллизация» читатели с нетерпением ожидали, что наконец-то появится обещанный рассказ о будущем российском экономическом чуде, основанном на применении удивительных сталинских технологий, столь скрупулезно собранных авторами в предыдущих главах, однако их ждет разочарование. Ничего подобного в книге нет: социалистическая революция и воссоздание социально-экономического фундамента социализма авторами не предлагаются. Как же при нем авторы собираются реконструировать механизм советского экономического чуда?

Они начинают изложение своего проекта с планирования экономического чуда. Здесь выясняется, что главные задачи и механизмы планирования уже заданы Президентом Российской Федерации в 2012 г. – превышение мировых темпов экономического роста благодаря увеличению доли вложений в основные фонды до 27% ВВП. И все было бы хорошо, если бы не зловередная деятельность и прогнозы Министерства экономики, Министерства финансов и Центрального Банка, которые много лет ведут экономическую политику вопреки линии президента; не лучше поступают и другие ведомства при разработке многочисленных программ, о которых авторы говорят, что «<...> никакой практической ценности они не имеют» [Галушка и др. 2021, с. 240]. Получается, что президент не в силах пресечь эту зловередную деятельность? Иначе как издевательством над здравым смыслом эти утверждения назвать нельзя.

Здесь следует вернуться к вопросу о достоверности экономической информации. В этой главе авторы, избегавшие обсуждение данного вопроса при оценке экономического положения СССР, все-таки о нем вспомнили. Нам было приятно прочитать у них следующее: «При этом необходимо обеспечить планирование полной, достоверной, оперативной статистикой и глубокой, полной аналитикой» [Галушка и др. 2021, с. 244]. Золотые слова. Вот только это пожелание до сих пор не удалось осуществить ни в СССР, ни в Российской Федерации. Именно недостоверность экономической информации сыграла роковую роль при составлении

экономических прогнозов в РФ, как ранее при создании народно-хозяйственных планов в СССР. О недостоверности макроэкономической информации в России мы писали неоднократно [Ханин, Фомин 2017], но именно этими искаженными данными пользовались экономические советники президента России при анализе российской экономики и при составлении своих прогнозов.

Говоря о возможности государственного планирования в современной России, авторы книги упускают из виду один существенный аспект: в СССР экономические субъекты вынуждены были выполнять мудрые или глупые предначертания центра под угрозой неотвратимого наказания. Но что заставит выполнять их частных собственников или действующие на рыночных началах государственные компании? Хорошо, если эти предначертания совпадут с их экономическими интересами. А если не совпадут? Как вообще можно обеспечить выполнение государственных плановых заданий в условиях частной собственности и рынка? На эти ключевые вопросы авторы не дают ответа, они даже (что еще хуже) их не задают.

Анализируя технологические факторы экономического роста в сталинской экономике, авторы совершенно справедливо обратили внимание на западную технологическую, организационную и интеллектуальную помощь. Потребность в такой помощи у современной России ничуть не меньше, чем в сталинской экономике. Соответственно, одним из условий технологического обновления российской экономики является нормализация отношений с технологически развитыми странами и снятие санкций с российских компаний. Эти сложные вопросы вхождения России в мир современных высоких технологий авторы также оставили за пределами своего внимания.

К факторам экономического прогресса СССР в 1930–1950-е гг. авторы не относят такой ключевой фактор, как рекордно высокая для своего времени доля фонда накопления, а возможности роста инвестиций видят исключительно в расширении инструментов денежного обращения. Однако в основе экономического роста предвоенной экономики СССР лежала структурная перестройка использования народного дохода в конце 1920-х гг. (таблица 2).

Таблица 2. Укрупненная структура использования народного дохода СССР, 1928–1931 гг., в ценах 1928 г., %

Показатель	1928 г.	1931 г.
Непроизводственное потребление	83,1	59,9
Фонд накопления	16,9	40,1

Источник: [Вайнштейн 2000].

В абсолютных сопоставимых стоимостных показателях объем капитальных вложений за три года после свертывания нэпа вырос в 3,5 раза, а фонд конечного непроизводственного потребления – всего в 1,1 раза [Вайнштейн 2000, с. 332–335]. В ценах единого уровня, исключая налог с оборота, доля фонда накопления, по нашим расчетам (мы их не приводим, чтобы не перегружать текст), в 1932 г. стала намного больше, достигнув 66,4% национального дохода.

Выход на траекторию высокого экономического роста в современных условиях, по нашим расчетам, также требует повышения доли накопления примерно в 2,3–2,5 раза и примерно такого же увеличения расходов государства на образование, науку, здравоохранение [Ханин, Фомин 2017]. Ни о каком улучшении среднего уровня личных доходов, на что надеются авторы книги, в этих условиях не может быть и речи. Так, за крайне редкими исключениями, бывает при выходе из жесточайшего экономического кризиса на режим экономического роста.

Крупным упущением авторов, наряду с отсутствием достоверной статистики, является недостаточность анализа состояния институтов российского общества и экономики. Наш анализ этих институтов показал, что в нынешнем их состоянии они не способны обеспечить возрождение российской экономики [Ханин, Фомин 2019].

Важной частью предлагаемой авторами схемы обеспечения экономического чуда является перестройка денежной и кредитной системы Российской Федерации. Авторы, правда, не стали предлагать переход к двухконтурной системе денежного обращения ввиду очевидного несоответствия ее реалиям рыночной экономики. Вместо этого они надеются на благотворное влияние дешевых и длинных денег (эта идея давно развивается С.Ю. Глазьевым). В этой связи авторы критикуют ЦБ РФ за его слабую роль в развитии российской экономики и политику высоких процентных ставок, препятствующих росту реальной экономики.

Нам представляется, что авторы очень серьезно заблуждаются и в отношении особенностей современного денежного обращения, и в отношении причин слабого развития реального сектора российской экономики. Они наивно предполагают, что процентная ставка может устанавливаться произвольно волей Центрального банка. Между тем даже в элементарных учебниках макроэкономики показывается, что ее уровень в рыночной экономике определяется соотношением между спросом и предложением на рынке капитала и стадией экономического цикла. Беда нынешней российской экономики состоит в том, что свободные денежные капиталы, хранящиеся в банках и поступающие на фондовый рынок, невелики из-за слабости экономики, недоверия к российской банковской системе и бедности населения. Это одна из основных причин высокой процентной ставки; другая состоит в том, что ее размер не может быть ниже уровня инфляции, ведь в противном случае установление банковской ставки ниже уровня роста цен неизбежно приведет к сокращению реального субсидируемого капитала. Что касается возможностей стабилизации внутренних российских цен, то у ЦБ РФ, кроме денежной эмиссии и проведения валютных интервенций, нет никаких инструментов по сдерживанию роста цен.

Выход, по нашему мнению, состоит, наряду с повышением эффективности работы компаний реального сектора, в коренном изменении не кредитной, а финансовой системы. Необходимо освободить от налогов и даже субсидировать в течение длительного периода реальную экономику за счет переноса тяжести налогового обложения с реального сектора экономики на личные доходы наиболее состоятельных граждан и всей сферы потребительской сферы услуг.

Наконец, авторы книги полностью проигнорировали вопрос о необходимости замены или хотя бы частичного обновления руководящих кадров. Не стоит, разумеется, использовать для этой цели опыт сталинских чисток, однако вполне очевидно, что современные руководители, несущие ответственность за состояние

экономики, не способны перевести ее на мобилизационный путь развития. Сама мысль о необходимости поиска новых кадров, которые, как известно, решают все, кажется неприемлемой для авторов книги, принадлежащих к высокопоставленной номенклатуре современной России.

Заключение

Высказанные нами многочисленные критические замечания не означают, что мы не видим достоинств книги. Прежде всего, заслуживает высокой оценки научная смелость авторов. Они взялись за непопулярную среди российских экономистов тему: единственное фундаментальное исследование экономики СССР в 1930-е гг. принадлежит английскому экономисту Р. Дэвису.

Авторы исследовали не один аспект советского экономического развития, а целый ряд важнейших факторов в их взаимосвязи. К тому же не просто описали, а попытались теоретически осмыслить советский опыт. Вызывает уважение огромный объем проделанной авторами работы, она видна в большом количестве разнообразных источников. Авторы не ограничились советскими проблемами, они изучили труды многих зарубежных авторов, иностранный опыт хозяйствования. Хочется надеяться, что и сама книга, и огромный резонанс, который она вызвала в российских СМИ, подтолкнет российских экономистов к изучению советской экономики, которое становится очень актуальным в наше время: развитие российской экономики в постсоветский период во многом определялось именно состоянием советской экономики, и это влияние все еще сказывается и будет сказываться на нашем будущем.

Список источников

- Атлас М.С. (1952) Кредитная реформа в СССР. М.: Госфиниздат.
- Блюм А., Меспуле М. (2006) Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН.
- Вайнштейн А.Л. (2000) Народный доход России и СССР // Избранные труды в двух книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. М.: Наука. С. 185–262.
- Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. (2021) Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра.
- Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам 1917–1957 годы: Сборник документов. Т. 2: 1929–1945 год (1957). М.: Госполитиздат.
- Зверев А.Г. (1972) Записки министра. М.: Политиздат.
- Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2: 1870 – наши дни (2013). М.: Институт Гайдара.
- Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. 3 (1936). М.: Партиздат.
- Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник (1972). М.: Статистика.
- Общество и власть: 1930 годы. Повествование в документах (1998). М.: РОССПЭН.
- Похлебкин В.В. (2000) Кухня века. М.: Полифакт.

- Промышленность СССР. Статистический сборник (1957). М.: Государственное статистическое издательство.
- Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. (2005) Экономический рост в аграрном секторе России. Проблемы XX века. М.: Статистика России.
- Сталин И.В. (1952) Проблемы ленинизма. М.: Госполитиздат.
- Струмилин С.Г. (1963) Промышленное развитие России и СССР // Избранные произведения в пяти томах. Т. 1. Статистика и экономика. М.: Академия наук СССР. С. 325–397.
- Фомин Д.А. (2022) Три кризиса новейшей экономической истории России // ЭКО. № 2. С. 157–184.
- Фомин Д.А., Ханин Г.И. (2017) Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 21–33 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32236972_80064980.pdf, дата обращения 31.03.2022.
- Ханин Г.И. (1988) Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // Коммунист. № 17. С. 83–90.
- Ханин Г.И. (1993) Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск: ЭКОР.
- Ханин Г.И. (2002) Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль. № 5. С. 72–94.
- Ханин Г.И. (2008) Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ.
- Ханин Г.И. (2010) Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Новосибирск: НГТУ.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2011) Деньги для модернизации: сколько нужно и где их взять // Свободная мысль. № 1. С. 45–60.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2017) Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика // Мир России. № 2. С. 62–81 // <https://mirros.hse.ru/article/view/4874>, дата обращения 31.03.2022.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2019) Инвестиционные, финансовые и институциональные предпосылки возрождения российской промышленности // Журнал институциональных исследований. № 1. С. 155–175. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.1.155-175
- Шахт Я. (2011) Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. М.: Центрполиграф.
- Bergson A. (1961) *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*, Cambridge: Harvard University Press.
- Chapman J. (1963) *Real Income in the Soviet Russia since 1928*, Cambridge: Harvard University Press.
- Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. (2018) *The Industrialisation of Soviet Russia, VII: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*, London: Palgrave Macmillan.
- Davies R. W., Khlevnyuk O.V., Wheatcroft S.G. (2014) *The Industrialisation of Soviet Russia, VI: The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936*, Palgrave Macmillan.
- Jasny N. (1952) *Soviet Prices of Producer's Goods*, Stanford University Press.
- Kaplan N. (1969) *The Record of Soviet economic Growth, 1928–1965*. Memorandum RM-6169. The RAND Corporation, Santa Monica.
- Kornai J. (1992) *The Socialist System. The Political Economy of Communism*, Clarendon Press Oxford.
- Moorsteen R., Powell R. (1966) *The Soviet Capital Stock, 1928–62*, Homewood (Ill.): R.D. Irwin.
- Siegelbaum L.H. (1988) *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*, Cambridge: Cambridge University Press.

What Does the History of the Stalinist Economy Teach?

Book Review: Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M. (2021) Growth Crystal. For the Russian Economic Miracle, Moscow: Nashe Zavtra (in Russian).

G.I. KHANIN*, D.A. FOMIN**

***Girsh I. Khanin** – DSc in Economics, Professor, Leading Researcher, Research Laboratory “Center for Competitive Policy and Economics”, Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, khaning@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8409-1100>

****Dmitry A. Fomin** – PhD in Economics, Senior Researcher, Rates and Proportions Department, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS; Associate Professor, Finance and Credit Department, Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, fomin-nsk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4337-3697>

Citation: Khanin G.I., Fomin D.A. (2022) What Does the History of the Stalinist Economy Teach? *Mir Rossii*, vol. 31, no 3, pp. 155–179 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-155-179

Abstract

The failures of liberal post-Soviet market reforms inevitably promote the search for new ideas for economic development. In this regard, it is worth analyzing the experience of the Soviet economy during the Stalinist era, i.e., the focus of the book under review. In 2021, the book became popularized by mass media as one of the greatest achievements in Russia's economic science. The authors argued that from 1929 to 1955 the Soviet economy performed an economic miracle leading to unprecedented economic growth and increases in the standard of living. According to the authors, this experience, with certain modifications, can be repeated today. In this review, we scrutinize the reliability of Soviet macroeconomic statistics. Based on our own publications and those of Western scientists, we show that Soviet macroeconomic statistics have repeatedly exaggerated the rates of economic growth, indicators of economic efficiency, and living standards. Nevertheless, the success of the Soviet economy during the Stalin era was evident, although much less significant than the book's authors claim it to be. This success was achieved at the cost of huge material and human losses. We scrutinize all factors of the Soviet economic growth mentioned by the book's authors such as planning, technology, money, efficiency, and entrepreneurship. We argue that the authors considerably simplify the mechanism of their functioning and misinterpret many factors. The approaches proposed are thus proven to prevent modern Russia's economy from growth, due to its significant differences from the Soviet economy and the falsity of the proposed methods. However, despite numerous errors and simplifications, the book is positively assessed for the authors' scientific courage, diligence, and in-depth analysis of this period of economic history.

Keywords: *Soviet economy, Russian economy, Stalinist economy, economic growth, socialist economic methods, planning, economic efficiency, economic competition*

References

- Atlas M.S. (1952) *Credit Reform in the USSR*, Moscow: Gosfinizdat (in Russian).
- Bergson A. (1961) *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*, Cambridge: Harvard University Press.
- Blum A., Mespoulet M. (2006) *Bureaucratic Anarchy: Statistics and Power under Stalin*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Chapman J. (1963) *Real Income in the Soviet Russia since 1928*, Cambridge: Harvard University Press.
- Davies R.W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. (2018) *The Industrialisation of Soviet Russia, VII: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*, London: Palgrave Macmillan.
- Davies R.W., Khlevnyuk O.V., Wheatcroft S.G. (2014) *The Industrialisation of Soviet Russia, VI: The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936*, London: Palgrave Macmillan.
- Directives of the CPSU and the Soviet Government on Economic Issues, 1917–1957: Collection of Documents. Vol. 2: 1929–1945* (1957), Moscow: Gospolitizdat (in Russian).
- Fomin D.A. (2022) Three Crises of the Modern Economic History of Russia. *ECO*, no 2, pp. 157–184 (in Russian).
- Fomin D.A., Khanin G.I. (2017) Dynamics of the Fixed Capital of the Russian Economy in the Post-Soviet Period (1992–2015). *Problems of Forecasting*, no 4, pp. 21–33. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32236972_80064980.pdf, accessed 31.03.2022 (in Russian).
- Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M. (2021) *Growth Crystal. For the Russian Economic Miracle*, Moscow: Nashe Zavtra (in Russian).
- Industry of the USSR. Statistical Collection* (1957), Moscow: State statistical publishing house (in Russian).
- Jasny N. (1952) *Soviet Prices of Producer's Goods*, Stanford University Press.
- Kaplan N. (1969) *The Record of Soviet Economic Growth, 1928–1965. Memorandum RM-6169. The RAND Corporation*, Santa Monica.
- Khanin G.I. (1988) Economic Growth of the Soviet Economy: An Alternative Assessment. *Communist*, no 17, pp. 83–90 (in Russian).
- Khanin G.I. (1993) *Soviet Economic Growth: Analysis of Western Estimates*, Novosibirsk: EKOR (in Russian).
- Khanin G.I. (2002) Decade of the Triumph of the Soviet Economy. *Free Thought*, no 5, pp. 72–94 (in Russian).
- Khanin G.I. (2008) *Economic History of Russia in Recent Times. Vol. 1. Economy of the USSR from the end of 1930s – 1987*, Novosibirsk: NSTU publishing house (in Russian).
- Khanin G.I. (2010) *Economic History of Russia in Recent Times. Vol. 2. Economy of the USSR and the RSFSR in 1988–1991*, Novosibirsk: NSTU publishing house (in Russian).
- Khanin G.I., Fomin D.A. (2011) Money for Modernization: How Much and Where to Get It. *Free Thought*, no 1, pp. 45–60 (in Russian).
- Khanin G.I., Fomin D.A. (2017) Post-Soviet Society and Russian Macroeconomic Statistics. *Mir Rossii*, no 2, pp. 62–81. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4874>, accessed 31.03.2022 (in Russian).
- Khanin G.I., Fomin D.A. (2019) Investment, Financial and Institutional Prerequisites for the Revival of the Russian Industry. *Journal of Institutional Studies*, no 1, pp. 155–175 (in Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.1.155-175
- Kornai J. (1992) *The Socialist System. The Political Economy of Communism*, Clarendon Press Oxford.
- Lenin and Stalin Collection of Works on the History of the AUCP(b). Vol. 3* (1936), Moscow: Partizdat (in Russian).
- Moorsteen R., Powell R. (1966) *The Soviet Capital Stock, 1928–62*, Homewood (Ill.): R.D. Irwin.
- Pokhlebkina W.V. (2000) *Cuisine of the Century*, Moscow: Polifakt (in Russian).

- Rastyannikov V.G., Deryugina I.V. (2005) *Economic Growth in the Agricultural Sector of Russia. Problems of the XX Century*, Moscow: Statistics of Russia (in Russian).
- Schacht H. (2011) *Chief Financier of the Third Reich. Confessions of "the Old Wizard"*, Moscow: Tsentrpoligraf CJSC (in Russian).
- Siegelbaum L.H. (1988) *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Society and Power: The 1930s. Narration in Documents* (1998), Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Stalin I.V. (1952) *Problems of Leninism*, Moscow: Gospolitizdat (in Russian).
- Strumilin S.G. (1963) Industrial Development of Russia and the USSR. *Selected Works in Five Volumes. Vol. 1. Statistics and Economics*, Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, pp. 325–397 (in Russian).
- The Cambridge Economic History of Modern and Contemporary Europe. Vol. 2: 1870 – Present Day* (2013), Moscow: The Gaidar Institute publishing house (in Russian).
- The National Economy of the USSR. 1922–1972. Anniversary Statistical Yearbook* (1972), Moscow: Statistika (in Russian).
- Weinstein A.L. (2000) People's Income of Russia and the USSR. *Selected Works in two books. Book 2. National Wealth and National Income of Russia and the USSR*, Moscow: Nauka, pp. 185–262.
- Zverev A.G. (1972) *Minister's Notes*, Moscow: Politizdat (in Russian).